

Утренний свет, подобно тонкой, едва уловимой дымке, просачивался сквозь щели в черепице и мягко ложился на полуоткрытую кухонную плиту. Мо Сяобэй, тщательно облаченный в защитную маску и перчатки, сосредоточенно перемешивал в глубокой стальной миске ингредиенты для набора барбекю, который гости заказали на сегодняшний вечер. В шесть часов утра во внутреннем дворе еще царил абсолютная, почти звенящая тишина. Он украдкой взглянул сквозь разросшиеся цветы и густые травы в сторону номера 302 – дверь там была плотно закрыта, не подавая никаких признаков жизни.

- Доброе утро, Сяобэй, – А-Я, девушка-администратор, только что пришедшая на утреннюю смену, сладко зевнула и с нескрываемым любопытством посмотрела в его сторону. – Ого, неужели тот самый «набор для кемпинга под открытым небом за 488» наконец-то кто-то заказал?

- Ага. Терраса на крыше закрыта, так что можно фотографироваться в самом центре, окруженным уютными диванчиками и этническим декором, с потрясающим видом на снежные горы. Спустя целый год после запуска этот набор для барбекю наконец-то стал востребованным, – Мо Сяобэй мягко улыбнулся и, взяв в руку маленький молоточек, принялся с подчеркнуто важным и профессиональным видом отбивать кусок синтетического стейка.

А-Я лишь усмехнулась, глядя на его старания:

- Можешь даже не пытаться. Это же всего лишь искусственное мясо. Сестра Чэнь умеет виртуозно считать деньги и обдирать гостей как липку. В номерах всё совершенно не соответствует действительности, так что как бы ты ни старался сделать всё красиво, это всё равно что пытаться украсить навозом.

Мо Сяобэй медленно опустил молоточек, на мгновение замер, а затем снова спокойно улыбнулся:

- Просто привычка с прошлой работы.

А-Я недовольно скривила губы. Видимо, ранняя утренняя смена изрядно изматывала её, и слова вылетали из уст без всяких раздумий:

- Ты что, всерьез возомнил себя великим шеф-поваром? Наше заведение – это просто какой-то балаган. Хотя, признаю, готовишь ты и правда вкусно. Но, господи, ты видел, какая тут зарплата? Сделал бы всё кое-как, чтобы гость просто отстал, – и этого было бы более чем достаточно.

Мо Сяобэй смущенно прикусил нижнюю губу, медленно стянул с рук одноразовые перчатки и, отвернувшись от неё, предпочел ничего не отвечать.

- Ой, кажется, я сболтнула лишнего, прости! Не принимай всё это так близко к сердцу, - А-Я, внезапно почувствовав укол раскаяния, поспешила догнать его и дружески похлопала по плечу.

Мо Сяобэй, разумеется, не стал обижаться - он понимал, что она просто не подумала о том, что говорит. Чтобы сменить тему, он с легким сомнением в голосе спросил:

- Кстати, ты в последнее время постоянно работаешь в дневную смену. Ты не видела, чтобы гость из 302-го выходил наружу?

А-Я замерла, а затем вскрикнула:

- Кажется, нет! Вроде видела его всего три дня назад. О господи, неужели он...

- Не говори ерунды. Я сейчас же пойду и проверю, - Мо Сяобэй быстро достал из ящика стойки универсальную карту-ключ и стремительно бросился наверх.

Хоть беспокоить гостей так рано утром и было не лучшей идеей, Мо Сяобэй всем сердцем чувствовал, что что-то идет не так. Он, не раздумывая ни секунды, постучал в дверь:

- Здравствуйте, обслуживание номеров. Господин Фу, вам требуется уборка?

Мо Сяобэй постучал несколько раз, но в ответ последовала лишь гнетущая тишина. Стиснув зубы от волнения, он приложил универсальную карту к замку и открыл дверь.

В нос тут же ударил тяжелый, удушливый запах табачного дыма вперемешку с резким ароматом алкоголя. Мо Сяобэй невольно отшатнулся. «Боже, только не говорите мне, что это место преступления. Нет-нет-нет, только бы это не оказалось уголовным делом».

В голове Мо Сяобэя вихрем пронеслись все криминальные передачи, которые он когда-либо смотрел по телевизору. Набравшись смелости и преодолевая тошнотворный запах, он осторожно вошел внутрь.

Шторы были плотно задернуты, и в комнате царил густой полумрак. Первым делом он заметил раскрытый на полу футляр, в котором сиротливо лежала гитара с двумя порванными струнами. Случайный порыв ветра из приоткрытого окна разнес серый пепел из переполненной пепельницы, и он тонким слоем осел на музыкальном инструменте. Затем его взгляд упал на Фу Яньлиня, который неподвижно лежал на кровати. На первый взгляд казалось, что он просто крепко спит. Но Мо Сяобэй заволновался: он уперся руками в край кровати и тревожно заглянул ему в лицо.

- М? - Мо Сяобэй замер, а затем шумно выдохнул с огромным облегчением. К счастью, Фу Яньлинь дышал, но лицо его было неестественно красным, грудь тяжело и прерывисто вздымалась, а на лбу выступили мелкие капли холодного пота. Мо Сяобэй инстинктивно коснулся его лба и мгновенно всё понял - это была горная болезнь.

Мо Сяобэй решительно спрыгнул с кровати, с шумом раздвинул тяжелые шторы и настежь открыл окно, впуская в комнату свежий горный воздух. Фу Яньлинь проснулся от этого внезапного грохота. Он медленно открыл глаза, чувствуя, как голова раскалывается от невыносимой боли. Он три дня пребывал в состоянии полузабытья, почти ничего не ел, и в его желудке не было ничего, кроме алкоголя и воды. Он сильно похудел, щеки заметно ввалились, волосы спутались, а длинная челка, падая на глаза, делала его похожим на какого-то подростка-неформала.

- Что за... кто? - Фу Яньлинь по привычке перешел на родной язык. Из-за того, что он несколько дней заперся в комнате, постоянно курил и пил, голос его почти пропал и звучал крайне хрипло. Для ушей Мо Сяобэя это было похоже на то, как взъерошенный кот скребет когтями по деревянному полу.

- Сиди здесь! Совсем с ума сошел, - не дожидаясь, пока Фу Яньлинь попытается что-то предпринять, Мо Сяобэй снова побежал вниз. Спустя минуту он вернулся, неся в руках целую охапку вещей, и с грохотом свалил их прямо на кровать.

- У тебя кислородное голодание. Быстро вставай, съешь это, а потом ложись и дыши кислородом. Какой же ты неженка, господин хороший, даже в Лицзяне умудрился поймать горную болезнь. Раз ты такой слабый, нечего было так рисковать собственной жизнью.

Фу Яньлиню в руки бесцеремонно сунули стакан теплой воды и горсть таблеток родиолы розовой. Он пребывал в полном недоумении и, одурманенный нехваткой кислорода, лишь растерянно хлопал глазами, глядя на суетящегося Мо Сяобэя.

Мо Сяобэй решил, что тот, должно быть, окончательно повредился рассудком. Он обреченно

вздыхнул, открыл и подготовил баллон с кислородом, а затем решительно сунул маску прямо перед лицом Фу Яньлиня:

- Не умеешь пользоваться? Я сейчас научу. Просто сделай глубокий вдох, и очень скоро тебе станет легче.

Фу Яньлинь потряс тяжелой, словно налитой свинцом головой, с трудом проглотил лекарство и начал глубоко дышать кислородом.

- Спасибо... и правда стало лучше, - прошептал он. Свежий кислород жадно наполнил легкие, постепенно разгоняя давящую тяжесть в груди. В этот миг ему показалось, что Мо Сяобэй, так стремительно ворвавшийся в комнату, стал тем самым порывом ветра, который одним махом унес прочь все накопившиеся негативные эмоции. Фу Яньлинь почувствовал, как в голове наконец-то прояснилось, словно кто-то нажал одну кнопку и мгновенно очистил переполненный мусорный бак его сознания.

Мо Сяобэй тяжело вздохнул и сел на стул напротив. Подперев щеки ладонями, он с предельной серьезностью произнес:

- Не за что. Но то, что ты целых три дня не выходил из номера, - это, честно говоря, очень пугает. Мне здесь еще работать надо, и мне совсем не хотелось бы, чтобы ты в итоге просто помер в этой комнате. Даже если ты решил построить из себя какого-нибудь меланхоличного поэта, это всё равно не повод так с собой обращаться. Какие в жизни могут быть настолько неразрешимые проблемы? Я, конечно, не великий мастер утешать людей, но знаю одно: жизнь нужно прожить самому. Ни у кого и никогда всё не бывает гладко. Но пока ты жив, пока всё окончательно не закончилось, всегда остается шанс, правда?

Уголок рта Фу Яньлиня слегка дернулся в едва заметной усмешке. Последние несколько дней он пребывал в странном состоянии: то внезапно находил в себе силы бороться, то снова с головой погружался в беспросветное отчаяние, в итоге просто заперев себя в четырех стенах этой маленькой комнаты. И хотя слова Мо Сяобэя были самыми обычными прописными истинами, Фу Яньлиню в этот конкретный момент просто было жизненно необходимо, чтобы кто-то с ним поговорил. Да, пока жизнь не закончена, всё действительно можно начать с чистого листа. Жизнь длинная, и право на ошибку есть у каждого; просто кто-то однажды свернул не в ту сторону, и теперь ему приходится идти по дороге чуть тяжелее, чем остальным.

- Всё в порядке, мне уже гораздо лучше. Спасибо тебе, - Фу Яньлинь внимательно посмотрел в искрящиеся, блестящие глаза Мо Сяобэя. Он почувствовал, как в горле совсем пересохло, и тяжело сглотнул. Кислород буквально вернул его к жизни: голова больше не раскалывалась от боли, а пульс наконец-то пришел в норму. Вслед за этим пришло и запоздалое, острое чувство голода. Ноги Фу Яньлиня предательски подкосились, а желудок скрутило резкой

спазматической болью.

Он нерешительно, подбирая слова, произнес:

- Господин Мо, насчет того случая в ресторане... я был неправ. В любом случае, разбрасываться едой и не уважать чужой труд - это крайне невежливо. Я искренне прошу у вас прощения.

Мо Сяобэй удивленно моргнул. Он слегка наклонил голову набок, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем его лицо озарила светлая, искренняя улыбка:

- А, если бы ты сам не сказал, я бы, наверное, и вовсе забыл об этом. Ничего страшного, просто я сам порой слишком серьезно ко всему отношусь. Будем считать, что теперь мы в расчете, господин Фу. Больше об этом ни слова. И зови меня просто Сяобэй, не нужно столько лишних формальностей.

Помолчав некоторое время, он добавил с необычайной, почти детской серьезностью, словно набравшись смелости, и начал нервно тереть край своей одежды:

- Та лапша... она действительно была такой плохой?

Фу Яньлинь заметил эту внезапную нервозность, и сердце его невольно смягчилось. Он увидел перед собой человека, который невероятно, почти фанатично серьезно относится к своей профессии, и не мог просто так отмахнуться от него:

- Честно говоря, в тот день у меня было ужасное настроение, да и чувствовал я себя совсем неважно. Моя оценка была несправедливой. Ты не согласишься приготовить её для меня еще раз? Обещаю, что дам тебе честный и объективный отзыв.

Услышав это, Мо Сяобэй буквально просиял. Он энергично и с явной гордостью кивнул:

- Конечно! Это я был невнимателен. У вас в Гонконге еда действительно более легкая, да и ты несколько дней почти ничего не ел, поэтому тебе сейчас категорически нельзя сразу употреблять тяжелую или острую пищу. Подожди немного, я сейчас всё приготовлю, - сказав это, Мо Сяобэй, словно заведенный вихрь, помчался вниз и мгновенно исчез на кухне.

Спустя двадцать минут Мо Сяобэй вернулся. В руках он бережно держал деревянный поднос, на котором стояли две дымящиеся миски рисовой лапши в курином бульоне. Бульон был почти лишен жира, он выглядел кристально прозрачным и чистым, овощи в нем оставались хрустящими и ярко-зелеными, а сверху красовалась аккуратная горка нежной куриной грудки и золотистые полоски яичного омлета. Стоило лишь слегка перемешать содержимое, как белоснежная лапша вырывалась наружу, норовя ускользнуть с палочек. Аромат был настолько

аппетитным и манящим, что у Фу Яньлиня буквально загорелись глаза.

За маленьким чайным столиком у окна два мужчины сидели, почти прижавшись друг к другу. Они вместе склонились над мисками, с огромным аппетитом поглощая лапшу. В этот момент даже самое громкое чавканье показалось бы вполне простительным. За их спинами раскинулось бескрайнее, ослепительно лазурное небо. Сегодняшний ветер был прохладным и свежим, и стоило ему подуть, как пушистые облака разлетались в разные стороны, опускаясь так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой.

Фу Яньлинь ел с таким жадным вдохновением, что у него вспотели спина, глаза и даже нос. Он почти уткнулся лицом в большую миску и с силой шмыгнул носом. Мо Сяобэй молча протянул ему салфетку.

- Спасибо... - прошептал Фу Яньлинь хриплым голосом. Лапша была настолько вкусной, что он боялся проглотить собственный язык. Он ел с таким истинным наслаждением, что все прежние обиды и горести, казалось, окончательно растворились в этой миске горячего супа. Пока человек жив, пока он может чувствовать вкус еды и мыслить, у него всегда остается бесконечная надежда. Они с Мо Сяобэем съели всё до последней капли, а затем оба с облегчением откинулись на диван, поглаживая сытые животы, и долго сидели в уютном молчании.

- Ах... как же это было вкусно. Это, пожалуй, лучшая лапша, что я когда-либо пробовал в своей жизни. Ты просто настоящий мастер, Сяобэй, - первым нарушил тишину Фу Яньлинь. Он поднял два пальца, показывая цифру десять: - Десять баллов из десяти! Это моя самая высшая оценка.

Мо Сяобэй, казалось, наконец-то выдохнул с огромным облегчением. Он уверенно и гордо вскинул подбородок:

- Конечно! Я здесь уже три месяца и успел научиться всему. То, что я готовлю, даже лучше, чем у местных поваров. Многие гости на сайте бронирования ставят высокие оценки этому гостевому дому только из-за нашего ресторана.

Фу Яньлинь искренне заинтересовался и начал непринужденно болтать с ним, полушутя глядя на Мо Сяобэя:

- Знаешь, ты здесь явно зарываешь свой талант. По-моему, ты гораздо круче всех тех гонконгских «шеф-поваров» с их бесконечными кучами сертификатов и пафосными званиями «наследников традиций».

Однако Мо Сяобэй неожиданно не поддержал этот разговор. Он внезапно притих, встал, чтобы убраться грязную посуду, и, слегка покачав головой, грустно улыбнулся:

- Это ты слишком преувеличиваешь. Я просто обычный повар. Всё, я пошел работать. Если тебе что-то понадобится - просто зови. За сегодняшний обед платить не нужно, это был мой личный обед как сотрудника.

Фу Яньлинь инстинктивно поднялся с дивана. Он уловил мимолетную, едва заметную грусть в глазах Мо Сяобэя. Он когда-то слышал фразу о том, что многие люди приезжают в Юньнань с тяжелой историей за плечами, чтобы зализать раны и окончательно исцелиться. Но сейчас он не решился расспрашивать Мо Сяобэя о личном - их отношения еще не зашли так далеко. Однако ему очень хотелось побольше пообщаться с этим молодым человеком, который, казалось, был единственным, с кем он начал постепенно сближаться в этом совершенно чужом месте.

Поэтому Фу Яньлинь выпалил, окликая уходящего Мо Сяобэя:

- Сяобэй, я всё-таки старше тебя, так что называй меня Брат Линь. Если у тебя будет свободное время, не мог бы ты стать моим гидом? Погуляешь со мной, покажешь окрестности. Разумеется, я буду щедро платить тебе за потраченное время.

Мо Сяобэй, уже дошедший до самой двери, замер на месте. Услышав про деньги, его глаза мгновенно блеснули, он резко повернулся и широко улыбнулся:

- С огромным удовольствием!

<http://bllate.org/book/17942/1720709>